

Аналитическая статья

УДК 322; DOI: 10.61260/2074-1618-2024-4-57-63

ПРИНЦИП ВЕРОТЕРПИМОСТИ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII СТОЛЕТИЯ

✉ Галеткина Наталья Геннадьевна.

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

✉ ngaletkina@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается исторический опыт конфессиональной политики в Российской империи XVIII в. Ставится вопрос, как соотносится эта политика с принципом веротерпимости. Делается вывод о неоднозначном характере государственно-конфессиональных отношений, ограниченной свободе вероисповедания и использовании веротерпимости как инструмента государственной политики.

Ключевые слова: конфессиональная политика, государственно-конфессиональные отношения, веротерпимость, Русская православная церковь, инославные вероисповедания

Для цитирования: Галеткина Н.Г. Принцип веротерпимости и конфессиональная политика в Российской империи XVIII столетия // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2024. № 4 (65). С. 57–63. DOI: 10.61260/2074-1618-2024-4-57-63.

Analytical article

THE PRINCIPLE OF RELIGIOUS TOLERANCE AND CONFESSIONAL POLICY IN THE RUSSIAN EMPIRE OF THE 18th CENTURY

✉ Galetkina Natalia. G.

Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia

✉ ngaletkina@yandex.ru

Abstract. The article examines the historical experience of confessional politics in the Russian Empire of the XVIII century. The question is raised as to how this policy correlates with the principle of religious tolerance. The conclusion is made about the ambiguous nature of state-confessional relations, limited freedom of religion and the use of religious tolerance as an instrument of state policy.

Keywords: confessional policy, state-confessional relations, religious tolerance, Russian orthodox church, non-orthodox faiths

For citation: Galetkina N.G. The principle of religious tolerance and confessional policy in the Russian empire of the 18th century // Psihologo-pedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva = Psychological and pedagogical safety problems of human and society. 2024. № 4 (65). С. 57–63. DOI: 10.61260/2074-1618-2024-4-57-63.

XVIII в. в российской истории ознаменовал трансформацию Московского царства в Российскую империю – полиэтничное и поликонфессиональное государство. В этих условиях государственная политика по регулированию отношений с подданными, представляющими различные религиозные направления, приобретает особое значение. Появляется запрос на веротерпимость, под которой понимается «признание права на существование чужой религии, терпимость к ее свободному исповеданию» [1]. Когда и как появляется в религиозной политике российских императоров принцип веротерпимости, кому из них можно отдать «пальму первенства» в этом вопросе, правомерно ли говорить о формировании основ веротерпимости в Российской империи XVIII столетия – эти вопросы находятся в центре внимания данной статьи.

Следует отметить, что по своему содержанию понятие веротерпимости не идентично современному пониманию свободы вероисповедания и свободы совести. Веротерпимость не обязательно предполагает выбор индивидом той или иной религии, включая возможность перехода из одной конфессии в другую. Она не включает в себя необходимое для свободы совести право не исповедовать какую-либо веру вообще [2]. Принцип веротерпимости также не означает равенства перед законом всех религиозных организаций. Веротерпимое государство, – говорится в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, – это «государство, не стесняющее иноверцев в отправлении обрядов» [3]. Но это не отменяет существования в этом государстве привилегированной конфессии, как это было в случае с Российской империей, где православие и Русская православная церковь занимали особое положение.

Итак, кого же из российских правителей XVIII столетия можно назвать первым веротерпимым монархом? Хронологически самый ранний документ, касающийся свободы отправления религиозного культа, был издан 16 апреля 1702 г. Петром I. Это манифест «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания». Название документа передает его суть, хотя описанию религиозных прав, которые получали прибывающие в Россию иностранные специалисты (в первую очередь речь идет о военных и о купцах, во вторую – о художниках), посвящена меньшая часть текста. Гораздо подробнее в манифесте описываются цели правителя (внутреннее спокойствие государства, его защита от нападения, распространение торговли), средства их достижения и меры по привлечению на российскую службу иностранцев, опытных в военном деле и в торговле.

Переходя непосредственно к вопросу о веротерпимости, Петр I подтверждает введенное им ранее в столице «свободное отправление богослужения всех других, хотя с Нашей Церковью несогласных христианских сект» и заявляет, что «Мы, по дарованной Нам от Всевышнего власти, совести человеческой приневоливать не желаем и охотно предоставляем каждому Христианину на его ответственность пеших о блаженстве души своей. И так Мы крепко того станем смотреть, чтобы по прежнему обычаю никто как в своем публичном, так и в частном отпадении богослужения обеспокоен не был, но при оном содержан и противу всякого помешательства защищен был» [4]. Далее он говорит о распространении этого права за пределы столицы – в другие города и в воинские гарнизоны, а также о дозволении строить там новые церкви.

Манифест 1702 г. демонстрирует ограниченный характер применения принципа веротерпимости. В нем обозначена довольно узкая категория людей, о свободе вероисповедания которых говорится. Это приезжающие в Россию иностранцы, полезные для государства, в силу своих знаний и опыта. Ограничение касается и выбора конфессиональных групп – речь идет только о христианах «инославных исповеданий» (католиках, протестантах). Об «иноверцах», как называли тогда представителей других религий, в манифесте не говорится.

Более поздние указы Петра I, касающиеся «иноверцев», относятся, главным образом, к мусульманам, но они не демонстрируют стремления к веротерпимости. Речь идет о привилегиях, которые мусульмане могут получить в случае перехода в православие [5]. Хотя стоит сказать, что частых примеров насильственного крещения мусульман или каких-либо других гонений на религиозной основе в петровскую эпоху не было.

Говоря о конфессиональной политике Петра I, невозможно обойти стороной его церковную реформу. Хотя она и касалась Православной церкви, реформа задавала новый вектор развития государственно-конфессиональных отношений в целом, и этот вектор сохранялся на протяжении всей последующей истории Российской империи. Заменив патриаршество синодальным управлением, Петр I, по сути, сделал Русскую православную церковь элементом государственной структуры, подчинив ее своей власти. Одновременно с этим принцип вмешательства светской власти в управление религиозными организациями стал распространяться и на другие конфессии. Поэтому согласимся с выводом И.И. Масловой и К.Г. Аристовой, что, несмотря на то, что в первой четверти XVIII в. был

преодолен конфессиональный изоляционизм России, «созданная Петром I государственная система существенно ограничивала религиозную свободу самой Православной церкви, лишала прав другие вероисповедания, ставила религиозную оппозицию вне закона. Поэтому первый император не может претендовать на роль первого веротерпимого правителя России» [6, с. 32].

Чаще всего исследователи приписывают такую роль Екатерине II, хотя вышеупомянутые авторы считают, что «поворот к веротерпимости в политике государства произошел 29 января 1762 г., когда был объявлен именной указ Петра III о веротерпимости или о равенстве исповеданий» [6, с. 33]. Эта точка зрения имеет право на существование, поскольку данный указ, действительно, провозглашает принцип веротерпимости по отношению не только к католикам и протестантам, но и к старообрядцам, и к «иногородцам». Однако тот же Петр III запомнился указом о секуляризации монастырских и церковных земель, так что его конфессиональная политика совсем неоднозначна. Да и недолгий срок его правления не позволяет делать определенные выводы относительно позиции императора в этих вопросах. Гораздо больше оснований говорить о формировании основ веротерпимости в государственной политике при Екатерине II. Хотя и здесь есть свои нюансы.

Уже в первые годы правления Екатерины II появляются законы, которые демонстрируют лояльность государства к представителям разных христианских конфессий:

– указ, разрешающий вернуться в Россию раскольникам, бежавшим за границу (14 декабря 1762 г.);

– сенатский указ «О дозволении в Астрахани армянам и другим, кто пожелает, по их законам во всех местах строения церквей» (9 июня 1763 г.);

– манифест о «свободном отправлении веры» для немецких колонистов (22 июля 1763 г.);

– указ о свободе вероисповедания для последователей Евангелического Августинского исповедания (25 февраля 1764 г.) [7, с. 38].

Кроме того, 6 апреля 1764 г. выходит сенатский указ об упразднении Конторы новокрещенских дел – учреждения, которое с начала 1730-х гг. отвечало за христианизацию мусульман и язычников Поволжья. В том же 1764 г. императорский указ узаконил прерогативы буддийского священнослужителя бандидо-хамбо ламы [8, с. 296]. Эти законодательные акты продемонстрировали поворот к веротерпимости не только в отношении инославных, но и иноверческих направлений.

Важным документом, закрепившим этот поворот, стал указ Синода от 17 июня 1773 г., который зачастую упоминается в публикациях просто как «указ о веротерпимости». Между тем стоит привести его полное название, поскольку оно отражает суть этого законодательного акта: «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении Архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам» [9]. Отталкиваясь от конкретной ситуации недовольства православных иерархов постройкой в г. Казани мечетей близ православных церквей, указ провозглашает общий принцип веротерпимости: «Как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и Ея Величество из тех же правил, сходяствуя Его Святой воле, и в сем поступать изволит, желая только, чтоб между подданными Ее Величества всегда любовь и согласие царствовало». Далее документ «определяет отныне Преосвященным Архиереям, в дела, касающиеся до всех иноверных исповеданий и до построения по их законам молитвенных домов, не вступать, а предоставлять оное все в рассмотрение светских команд». Таким образом, речь идет не столько о свободе вероисповедания, сколько о передаче контроля над строительством иноверческих молитвенных домов от православных иерархов к светским властям.

Что касается отношения к Русской Православной церкви, то императрица Екатерина II действовала в духе своего предшественника Петра I. Еще в 1764 г. она издала указ «О разделении духовных имений и о сборе со всех архиерейских, монастырских

и других церковных крестьян по 150 копеек с души». К указу прилагался манифест о передаче архиерейских крестьян в ведение Коллегии эконмии. Эти акты фактически упразднили в России монастырское землевладение и подорвали экономическое могущество церкви [7, с. 37].

Подобным нападкам подвергались в царствование Екатерины II и католические монастыри, на основании чего польский исследователь Б. Чаплицкий делает вывод об ухудшении положения католиков в Российской империи в этот период. «Екатерина II, – пишет он, – ликвидировала за время своего правления значительную часть структур Греко-католической и Римско-католической церкви. Это относится, прежде всего, к структурам орденов и к самим монастырям, которые были просто национализированы» [10].

Однако стоит сказать, что некоторые католические монашеские структуры, наоборот, получили поддержку российской императрицы, например, орден иезуитов (Общество Иисуса). Папа Климент XIV своей буллой от 1773 г. распустил орден, однако Екатерина II запретила распространять в России папскую буллу и разрешила иезуитам сохранить свою организацию и владения на территории империи при условии принесения ими присяги императрице. На протест Папы Климента XIV она ответила, что «императрица не привыкла кому бы то ни было отдавать отчет в распоряжениях своих в пределах империи» [11, с. 92]. Конечно, в этом решении российской правительницы можно увидеть желание ослабить лояльность местных католиков Святому Престолу и подчинить Католическую церковь в России своей власти.

В этом смысле очень показательна история с учреждением в Российской империи первой римской-католической епархии. Указом от 14 декабря 1772 г. императрица объявила о предстоящем назначении католического епископа, которому будут поручены в духовное управление все римско-католические приходы и монастыри в Российской империи. Спустя год был издан указ об образовании Белорусской епархии и о назначении ее главой бывшего виленского епископа-суффрагана (администратора) Станислава Богуш-Сестренцевича. Резиденция нового епископа, которому теперь должны были подчиняться все российские католики латинского обряда, находилась в г. Могилеве. Спустя еще 9 лет в январе 1782 г. опять-таки указом Екатерины II Белорусская епархия была преобразована в Могилёвскую архиепархию, а епископ Богуш-Сестренцевича стал архиепископом [12].

Все это происходило без согласования с Папой Римским и нарушало каноническое право, согласно которому только глава Католической церкви мог учреждать подобные структуры и назначать епископов. Екатерина, по сути, взяла на себя прерогативы понтифика, не только учредив епархию (а позже архиепархию), но и возведя Станислава Богуш-Сестренцевича в архиепископы, а позднее – в митрополиты. Десять лет церковная структура существовала без официального признания Святым Престолом, и только 8 декабря 1783 г. Папа Пий VI подтвердил образование Могилевской епархии, для чего в Россию прибыл его посланник апостольский легат Джованни Андреа Аркетти.

То есть, с одной стороны, в Российской империи учреждается структура Римско-католической церкви, что для местных католиков, число которых с присоединением польских и белорусских земель значительно возросло, имело огромное значение. Они получали возможность открыто исповедовать свою веру, иметь своих священников и епископов. В этом смысле действие императрицы может быть расценено как проявление политики веротерпимости. Но, с другой стороны, Екатерина идет на конфликт со Святым престолом и нарушает права Римско-католической церкви, ставя себя выше канонического права. Опять-таки она действует вполне в духе Петра I, но идет даже дальше, стремясь подчинить себе уже не только государственную Православную церковь, но и местные католические структуры. Веротерпимость в данном случае обусловлена государственными интересами и убеждением в верховенстве светской власти. Акт веротерпимости одновременно становится и актом вмешательства императорской власти в управление религиозной организацией.

И все же нельзя отрицать, что в конфессиональной политике Екатерины II элемент религиозной толерантности был гораздо сильнее, чем у ее предшественников. Если при Петре I религиозная свобода предоставлялась только европейцам-христианам, то при Екатерине II к ним добавились староверы, армяне-григориане, мусульмане, буддисты.

Интересно, что и в сегодняшнем облике Санкт-Петербурга можно увидеть отражение этой политики. Речь идет о христианских неправославных храмах, которые появились именно в правлении Екатерины II. Это и храм Армянской Апостольской церкви на Невском проспекте, и стоящий неподалеку от него римско-католический храм святой Екатерины, и лютеранский храм святой Екатерины на Большом проспекте Васильевского острова. Не случайно все эти храмы освящены во имя святой Екатерины Александрийской, которая была святой покровительницей российской императрицы. Несмотря на то, что прежний католический храм, появившийся задолго до правления Екатерины II в 1726 г., также был освящен во имя св. Екатерины, все же можно предположить, что повторное обращение к этой святой может быть обусловлено желанием местных католиков воздать должное уважение императрице Екатерине II.

Очередной документ о свободе вероисповедания в Российской империи появился вскоре после восшествия на престол Павла I, последнего из российских императоров XVIII столетия. 18 марта 1797 г. он выпустил манифест, полное название которого опять-таки точно передает основные тезисы: «О свободном вероисповедании, о неприслекании в присоединенных от Польши губерниях людей из Грекороссийской веры в Католическую, и о нестеснении свободы тем, кои сами от других исповеданий к Православной церкви присоединиться пожелают» [13].

В первых строках манифеста император объявляет, что «вступив на прародительский Наш Императорский престол, предположили Мы священным Себе долгом обеспечить каждому свободу исповедания веры им содержимой, охранять всеми мерами Святую Грекороссийскую Православную веру, Нами Самими и природными Российскими верноподданными исповедуемую и наблюдать притом, дабы каждый из верноподданного Нам народа обращался в пределах званию и состоянию его преднаписанных, исполняя его обязанность, и удаляясь всему тому противного, яко разрушающего порядок и спокойствие в обществе».

Далее он обвиняет католических священников в присоединенных к России от Польши губерниях в том, что они притесняют православных священников и склоняют православных к переходу в униатство. Осуждая такие действия, Павел при этом призывает не «стеснять свободы тем, кои по добровольному руководству совести сами от других исповеданий к Православной церкви присоединиться возжелают».

То есть главная идея манифеста – веротерпимость при условии доминирования православия и соблюдения порядка в обществе находится в русле той же конфессиональной политики, что была характерна для екатерининской эпохи.

В то же самое время Павел I высказывал совсем не типичную для его предшественников идею о воссоединения Православной и Католической церковью, и даже направлял в Синод подобное предложение [14]. Также не типичной была ситуация, когда православный монарх стал магистром католического монашеского ордена Иоаннитов (Мальтийского ордена), пригласив орден в Россию после разгрома Мальты Наполеоном.

Только на первый взгляд необычным кажется тот факт, что в Акте о престолонаследии от 5 апреля 1797 г. Павел I называет себя, как и других российских монархов, главой Церкви: «Государи Российские суть Главою Церкви» [15]. Это логичное продолжение церковной реформы при Петре I и секуляризации при Екатерине II, а в целом – подчинения церкви светской власти при сохранении ее привилегий как государственной конфессии.

Таким образом, в целом Павла I можно назвать последователем Екатерины II и Петра I в конфессиональной политике, поскольку в его правление продолжалось развитие всех тех тенденций, что были заложены при его предшественниках:

- расширение круга конфессиональных групп, на которые распространялся принцип веротерпимости;
- усиление доминирования православия над всеми остальными вероисповеданиями;
- укрепление контроля со стороны государства над Русской православной церковью и над всеми остальными конфессиями.

Подводя итог данному исследованию и оценивая конфессиональную политику российских императоров в XVIII в., можно отметить ее неоднозначный характер. Наряду с формированием основ веротерпимости наблюдаем усиление доминирующей роли Русской Православной церкви и ущемление на этом фоне прав представителей других конфессий. Однако при этом и сама Православная церковь испытывала давление со стороны государства и находилась под контролем светских властей. Этот процесс, начатый Петром I, продолжился при Екатерине II и при Павле I.

Принцип веротерпимости использовался российскими правителями как инструмент государственной политики, преследовавшей вполне прагматичные цели, будь то привлечение на русскую службу иностранных специалистов или поощрение немецкой колонизации, но, прежде всего, обеспечение порядка и спокойствия в обществе.

Список источников

1. Веротерпимость. Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 728–734.
2. Иванюк О.А. Свобода совести и свобода вероисповедания: соотношение понятий и границы законодательного регулирования // Журнал российского права. 2010. № 9. С. 46–58.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. 1. С. 333.
4. О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания: манифест Петра I от 16 апр. 1702 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. Т. 4. № 1910.
5. Самсонов Н.В. О правовом положении российских мусульман в правление Петра Великого // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 1. С. 75–80.
6. Маслова И.И., Аристова К.Г. Веротерпимость в Российской империи: точка отсчета становления и развития // Религия и общество – 13: сб. науч. ст. / под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2019. С. 31–34.
7. Ногманов А.И. Законодательство Екатерины II об исламе и мусульманах (к 250-летию издания указа 1773 г. о веротерпимости) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т. 13. № 4. С. 35–48.
8. Логинов А.В. Власть и вера: государство и религиозные институты в истории и современности. М.: Большая Российская энциклопедия, 2005.
9. О терпимости всех вероисповеданий: Указ Св. Синода от 17 июня 1773 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. Т. 19. № 13996.
10. Чаплицкий Б. История католической монашеской жизни в России // Архив рубрики «Страницы истории» интернет журнала портала Francis.ru. URL: <http://bs.francis.ru/?p=298#more-298> (дата обращения: 07.11.2024).
11. Андреев А.Р. История ордена Иезуитов. Иезуиты в Российской Империи. XVI – начало XIX в. М.: Русская панорама, 1998.
12. Могилёвская митрополия. Католическая энциклопедия: в 5 т. М., 2007. Т. 3. С. 480–484.
13. О свободном вероисповедании...: манифест Павла I от 18 марта 1797 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. Т. 24. № 17879.
14. Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М.: Русская панорама, 2003. Гл. 6.3.
15. Акт о престолонаследии Павла I от 5 апр. 1797 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. Т. 24. № 17910.

References

1. Veroterpimost'. Pravoslavnaya ehnciklopediya. M., 2004. T. 7. S. 728–734.
2. Ivanyuk O.A. Svoboda sovesti i svoboda veroispovedaniya: sootnoshenie ponyatij i granicy zakonodatel'nogo regulirovaniya // Zhurnal rossijskogo prava. 2010. № 9. S. 46–58.
3. Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka. M., 1995. T. 1. S. 333.
4. O vyzove inostrancev v Rossiyu, s obeshchaniem im svobody veroispovedaniya: manifest Petra I ot 16 apr. 1702 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. pervoe. T. 4. № 1910.
5. Samsonov N.V. O pravovom polozhenii rossijskikh musul'man v pravlenie Petra Velikogo // Nauka i obrazovanie: khozyajstvo i ehkonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2013. № 1. S. 75–80.
6. Maslova I.I., Aristova K.G. Veroterpimost' v Rossijskoj imperii: tochka otscheta stanovleniya i razvitiya // Religiya i obshchestvo – 13: sb. nauch. st. / pod obshch. red. V.V. Starostenko, O.V. D'yachenko. Mogilev: MGU im. A.A. Kuleshova, 2019. S. 31–34.
7. Nogmanov A.I. Zakonodatel'stvo Ekateriny II ob islame i musul'manakh (k 250-letiyu izdaniya ukaza 1773 g. o veroterpimosti) // Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya. 2023. T. 13. № 4. S. 35–48.
8. Loginov A.V. Vlast' i vera: gosudarstvo i religioznye instituty v istorii i sovremennosti. M.: Bol'shaya Rossijskaya ehnciklopediya, 2005.
9. O terpimosti vsekh veroispovedanij: Ukaz Sv. Sinoda ot 17 iyunya 1773 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. pervoe. T. 19. № 13996.
10. Chaplickij B. Istoriya katolicheskoy monasheskoj zhizni v Rossii // Arkhiv rubriki «Stranicy istorii» internet zhurnala portala Francis.ru. URL: <http://bs.francis.ru/?p=298#more-298> (data obrashcheniya: 07.11.2024).
11. Andreev A.R. Istoriya ordena Iezuitov. Iezuity v Rossijskoj Imperii. XVI – nachalo XIX v. M.: Russkaya panorama, 1998.
12. Mogilyovskaya mitropoliya. Katolicheskaya ehnciklopediya: v 5 t. M., 2007. T. 3. S. 480–484.
13. O svobodnom veroispovedani...: manifest Pavla I ot 18 marta 1797 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. pervoe. T. 24. № 17879.
14. Fedorov V.A. Russkaya pravoslavnaya cerkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyj period (1700–1917). M.: Russkaya panorama, 2003. Gl. 6.3.
15. Akt o prestolonasledii Pavla I ot 5 apr. 1797 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. pervoe. T. 24. № 17910.

Информация о статье: статья поступила в редакцию: 14.11.2024; принята к публикации: 26.11.2024

Information about the article: the article was received by the editorial office: 14.11.2024;

accepted for publication: 26.11.2024

Информация об авторах:

Галеткина Наталья Геннадьевна, доцент кафедры философии и социальных наук Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), кандидат исторических наук, e-mail: ngaletkina@yandex.ru, SPIN-код: 7547-8588

Information about the authors:

Galetkina Natalia. G., associate professor of department of philosophy and social of Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia (196105, Saint-Petersburg, Moskovsky ave., 149), candidate of political sciences, e-mail: ngaletkina@yandex.ru, SPIN: 7547-8588